

Александр Владимирович Герасимов – прозаик, драматург, публицист. Родился в 1955 году в таёжном Приамурье, на Дальнем Востоке работал учителем, редактором газет и телевидения, генеральным директором телерадиовещательной компании «Амур», трижды избирали председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. С 2011 года живёт в Калининграде. Спектакли ставили театры России, Казахстана, Латвии, США, Украины. Рассказы публиковались в России, Австралии, Германии, Канаде, Чехии. Член редакционного совета журнала «Берега», редакционных коллегий литературных журналов России и Германии. Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской Православной церкви, заслуженный работник культуры РФ.

В 2022 году книгу рассказов Александра Герасимова «Соприкосновение. О России с любовью» космонавт Герой России Олег Артёмьев брал в экспедицию на Международную космическую станцию, экземпляр, побывавший на орбите, передан в Московский музей космонавтики.

РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ – БРАТЬЯ НАВЕК

Родился на берегу Амура, жил и работал в Благовещенске, Китай был самым ближним зарубежьем. От телецентра на набережной до берега Поднебесной семьсот метров: были слышны голоса, музыка и треск петард. Признаюсь, давно хотел предложить журналу БЕРЕГА свои заметки о Китае, да всё не решался, ведь не китаевед. А сейчас подумал: это же история, Китай не будет таким, как увидел его когда-то, и людей многих нет, кого там знал. Посмотрите на эту фотографию, с неё и начну.

Харбинцы

Крошечная, снятая «мыльницей», фотография. 1998 год. Харбин. Покровская церковь, единственный тогда действующий православный храм в городе, – относится к юрисдикции православной церкви Китая. На фото последние старожилы русского Харбина. О тех, кто на снимке:

Рядом со мною в рубахе навыпуск старейшина – Михаил Михайлович Мятков. В 1998-м ему было восемьдесят пять. Сын самарского купца, в смутные годы гражданской войны с родителями оказался в Харбине, отсюда выезжал учиться во Францию. Свободно владел семью языками (французский, английский, немецкий... китайский, японский). В довоенные годы работал в иностранных компаниях, концессиях. Уникальнейшая память была у Михаила Михайловича, казалось, что он помнит каждый день своей жизни. Рассказывал, к примеру, как в марте 1936 года слушал Шаляпина в Харбине, как русские обиделись на великого певца, когда собрались толпою у гостиницы, а Фёдор Иванович вышел на балкон и на просьбу что-нибудь спеть ответил: «Даром только птички в лесу поют». Мятков помнил всё в мельчайших деталях: какой был день недели, какая стояла погода, во что одет был Шаляпин. Жилось старику при коммунистическом Китае нелегко. Я бывал в его убогонькой квартирке, каждый раз мы старались незаметно положить в карман Мяткова собранные нами небольшие деньги. Даже как-то нанял его переводчиком моей съёмочной группы (был и свой), чтобы, если честно, пообедать и поужинать на банкетах, организованных китайскими телевизионщиками. В каждый приезд мы привозили нашим харбинцам русский ржаной хлеб, они очень радовались, поровну делились...

Слева от Мяткова – Владимир Алексеевич Зинченко. Сын рядового армии Колчака. Владимир Алексеевич когда-то был молочником на Харбинском рынке. Сначала у него имелось своё стадо коров. А потом извёл его, молоко ему на продажу сдавали китайские крестьяне. А все покупатели старались по-прежнему покупать у Зинченко (китайцы говорили: у этого русского настоящее моло-

ко, он не обманывает). Никогда не слышал, чтобы Владимир Алексеевич говорил на китайском, только на русском общался, в том числе с китайцами. Сам любил крепко выразиться (если рядом был интеллигентнейший М. М. Мятлов, тот за него перед нами извинялся). Но когда китайцы матюгались на своём языке (а это, скажу вам, сплошь и рядом, как и у наших, да и в переводе – то же самое), от китайских сквернословов Зинченко мог прийти в ярость: «Я вам поцхакаю!» – мог и врезать. Когда в 1997-м в Харбин приезжал Ельцин, Зинченко при-

шёл на встречу в красной рубашке-косоворотке и начищенных сапогах (его показали по всем нашим телеканалам).

Хрупкая женщина перед нами – Валентина Павловна Хан, русской культуры этническая корейка, уроженка Харбина. Судьба нелёгкая. Попала в жернова «культурной революции», семь лет сидела в одиночной камере «за шпионаж», потом были годы трудовых сельских лагерей... Вы бы слышали, как тонким дрожащим голоском она пела в маленьком церковном хоре...

Справа на снимке – Нина Афанасьевна Давиденко, последний русский главный бухгалтер харбинского магазина «Цюлин» (тогда он был ещё «Чурин»).

В храм я и мой товарищ Иван Чернышев (крайний слева) зашли в не совсем подобающей одежде, на улице было под сорок жары, харбинцы нас за это не пожурили. Чернышев по образованию актёр, снялся в нескольких китайских исторических телесериалах, где играл русских генералов и адмиралов.

Всех, перечисленных мною, уже нет на свете. Светлые были люди...

* * *

Продолжу делиться своими субъективными наблюдениями и рассказами былых историй, иной раз курьёзных.

«В Китае люди много»

Был заместителем председателя общества российско-китайской дружбы, как-то сидели за столом вчетвером: я и трое китайцев. «Друзья, – говорю, – знаете, что в мире каждый четвёртый китаец? – оглядел присутствовавших: – Сегодня китаец – я!» Шутка понравилась. Закивали головами: «В Китае люди много!»

По мнению многих моих соотечественников, китайцы теснятся на небольшой территории и рвутся заселять наш Дальний Восток и Сибирь. На самом деле площадь Китая лишь немногим уступает Европе: от Португалии до Урала. Да, население почти в два раза больше европейского, но и незаселённых тундры и приполярных островов там нет. Жители северных провинций мечтали бы перебраться в южные, в субтропики, а не в морозную Россию. На красочных иллюстрациях ада в буддистских храмах самое страшное истязание для грешников – лютый холод, – у бедолаг сосульки с носов свисают. Одно утешение, что муки ада у них не вечные.

Как везде в мире, территории заселены неравномерно. Правительство вкладывает миллиарды юаней в развитие северных провинций, соседствующих с нами. Но даже жители российского Дальнего Востока порою заявляют, что китайские приграничные города развиваются за счёт «ограбления» России. От металлолома и леса-кругляка, что мы сами азартно вывозили за Амур. Наивные заблуждения.

Хотя по образованию я историк, всегда что-то новое открывал для себя, приезжая в Китай. Что народ национальности хань разных провинций с трудом понимает диалект соседей. Официально в Китае 56 национальностей, ханьцами себя считают 92 процента, но при этом они даже для переводчиков кажутся разноязычными. Письменность – единая, иероглифы у всех обозначают одни и те же понятия и объекты. А знаете ли вы, что в Китае во всех провинциях единое Пекинское время?

Географически должно быть четыре часовых пояса. Но государственные учреждения начинают работу одновременно, как и школьники учёбу, – так было и при императорах.

Какими они нас себе представляют

Это же китайская поговорка: «Близкий сосед – лучше дальнего родственника». Конечно, в своём восприятии иностранцев-соседей не только мы заблуждаемся. Но в целом мнение китайцев о нас, русских, уважительное и доброжелательное. Для них русский – большой сильный человек, не очень уравновешенный, часто непредсказуемый, но – добрый, храбрый, способный на самопожертвование.

Любимая русская книга современного китайца – «А зори здесь тихие». Её изучают школьники на уроках литературы. Лет двадцать назад в Благовещенске и соседнем через Амур городе Хэйхэ снимали эпизоды многосерийного китайского телефильма по этому роману Бориса Васильева. Тогда был я руководителем областной телерадиокомпании, предоставлял коллегам мобильный электрогенератор, транспорт, загородную турбазу для натуральных съёмок. «Русская деревня», отстроенная для фильма на китайском берегу Амура, потом стала местом постоянных экскурсий, – сериал популярен, время от времени до сих пор транслируется по китайским телеканалам.

Китайцы хорошо знают советский кинематограф 50–60-х годов, особенно наши фильмы о войне. Всем известен разведчик Штирлиц в исполнении Вячеслава Тихонова. Рискну утверждать, что образованные китайцы моего поколения знают классиков советской литературы лучше многих наших студентов.

Нашу музыку вы услышите в кафе-караоке, просто на улицах. Многие старые русские песни считают китайскими народными (слова в них – вовсе не перевод наших, с другими смыслами), под «Катюшу» маршируют на парадах полки и дивизии Национальной освободительной армии Китая (НОАК). Не раз наблюдал, как в ресторанчиках, пытаюсь сделать приятное гостям из России, хозяева начинали петь русские песни, только случались конфузы: наши слов наших песен не знают.

Лопаньё

Переехал в Калининград, в Китае не был много лет. Разговариваю по телефону с Юй Баоганом. По-китайски я, как он по-русски. Примерно так: «Баоган, лопаньё! Нихао! Хао!» (Баоган, старый друг! Здравствуй! Хорошо!) Он мне в ответ: «Геласимов! Блата! Очень лад! Баоган Хэйхэ я скучай. Лубли-юани не нада. Ничего! Я, ты – блаата! Баоган я лусский музей искусства Хэйхэ» (Герасимов! Брат! Очень рад! Приезжай ко мне в Хэйхэ! Не переживай, если денег нет. Мы же братья. У меня сейчас в Хэйхэ свой музей русского искусства). С Юй Баоганом мы дружим лет тридцать, переводчик не нужен.

Оказывается, мой китайский брат открыл на берегу Амура новый музей русского искусства. Я написал «новый», подобный уже был, его в 90-х создал другой наш брат-лопаньё – Лю Минсю. Тот музей так понравился правительству провинции Хэйлуцзян, что ему предоставили отдельное здание в Харбине на Солнечном острове реки Сунгари, в популярном у китайцев и русских центре развлечений. Кстати, в постоянной экспозиции того музея были выставлены пять моих работ (о том, как я стал членом Союза художников Китая, напишу отдельно).

Юй Баоган – великолепный фотограф, автор фотоальбомов, отмечен золотыми медалями международных фотовыставок. Много ездил по России, даже как-то с нашими моряками прошёл Северный морской путь.

«Элосы лопаньё» – русский старый друг, так меня китайцы зовут.

Фото в стенах харбинского Музея русского искусства: братья-лопаньё – Лю Минсю слева от меня, Юй Баоган справа

Увлечение китайцев русской культурой огромно. Интересна им и наша, европейской школы, живопись. В Китае свои традиции, главным видом изобразительного искусства является начертание иероглифов, мастерство каллиграфии ценится даже выше гохуа, пейзажной живописи. При мне в парках и на городских площадях можно было увидеть, как художники-каллиграфы кистями рисуют иероглифы водою на асфальте, а публика восхищается изяществом недолговечных творений. Китайские художники могут с лёгкостью скопировать любую манеру живописи. Их художник, копируя какого-либо западного авангардиста, без тени сомнения назовёт себя авангардистом, хотя ничего нового не создаст. А создавать новые живописные школы китайцы не будут. В искусстве приветствуется повторяемость, – они кропотливо осваивают элементы старинной живописи, из уважения к традициям воспроизводят одни и те же образы.

Мне доводилось быть организатором выставок наших художников в Китае. Рисовал и сам портреты китайских друзей. Одна из моих работ даже вошла в академический альманах «Современная русская живопись», изданный в 2004 году в Харбине. Я – член Союза художников Китая, есть удостоверение с фотографией, красной и тиснённой печатями, – вручили на одной из обменных выставок. Китайские друзья уверяли тогда, что я стал первым русским в их творческом союзе. Автор этих строк не профессиональный живописец, любитель. Когда-то в 80–90-х частенько бывал в компаниях амурских художников, рисовал друзей, тут же дарил портреты. Какие-то работы задерживались на стенах художественных мастерских. Друзья не раз выставляли меня на областных и городских вернисажах. А в конце прошлого века к нашим художникам зачастили в гости китайские коллеги. Приезжали и знаменитые в Поднебесной мастера. Ходили, рассматривали, приценивались, что-то покупали, чаще – хотели получить понравившееся в подарок. Отдавать свои работы бесплатно нашим художникам было жалко, но мои, подаренные, раздаривали-передаривали, даже карандашные эскизы (обид нет, нелегко было). И осели мои холсты и картонки по частным и галерейным коллекциям...

Ли Янлинь – русский поэт

Об этом человеке – отдельный рассказ. Знаком с ним. По образованию он преподаватель русского языка. Китаец с удивлённо вздёрнутыми бровями, печальными глазами поэта и невозмутимоспокойной улыбкой школьного учителя. Помню, летом 1992 года он пришёл в Амурскую писательскую организацию, которой в то время руководил замечательный поэт Станислав Федотов. Янлинь показал около полусотни своих стихотворений, написанных на русском языке. Федотов с поэтом Олегом Масловым взяли их редактировать для первой книжки. Издали сборник за счёт автора в районной сельской типографии, там было дешевле. Название первой книжки – «Я люблю Россию» (1994). Таким же путём выпустили ещё две: «Песни о берегах Амура» (1996), «Сердце к сердцу» (1998). На их основании китайский поэт Ли Янлинь был принят в Союз писателей России. Первый в истории Союза писателей России иностранный член! Потом в Китае вышел большой сборник «Избранные стихи» на русском языке. Ли перевёл на китайский язык роман Вадима Кожевникова «Крона и корни», который вышел в Харбине под названием «Соната над Волгой». За перевод получил литературную премию правительства провинции Хэйлуньцзян. Главное дело (всей жизни!) Ли – собрание произведений русских эмигрантов, писателей и поэтов, живших в Харбине. Мне рассказывали, что Ли продал в Даляне квартиру, чтобы издать русских авторов в переводе на китайский язык. Вышло пять томов, за них он получил из рук президента Путина орден Дружбы, а в Китае стал профессором Цицикарского университета. Через два года Ли выпустил десятитомное собрание на русском языке (уже с материальной помощью правительства). Издание уникальное! Российская академия наук избрала Ли Янлиня действительным членом по отделению филологии.

Удивительная история, не правда ли? А ещё Ли Янлинь собрал по подвалам и кладовкам библиотек харбинские газеты и журналы 20–40-х годов XX века с произведениями русских авторов, отсканировал их и выпустил диски, – бесценный материал для будущих исследователей. Поклон и благодарность от нас и наших потомков!

Как-то в Китае пошли мы с доченькой в буддистский храм. Дорога была для меня нелёгкая. Жарко, солнце печёт, храм на горе, подниматься пришлось по крутым гранитным ступеням, а их полторы тысячи.

Взошли мы: ворота красные лаковыми красками расписаны, постройки-пагоды с изогнутыми в небо краями изразцовых крыш, галереи с деревянными колоннами, а вдоль них – картинки грешников в буддистском аду (жуть, как их там черти распиливают, мучают страшными морозами, огнём и раскалённым железом). Впрочем, не совсем корректно говорить о грешниках в буддизме, там нет грехов, а есть плохая карма, которую человек сам создаёт. Да и адские мучения не вечны, в отличие от христианства. В своё время Китай с радостью перенял учение о карме (только воспринял его по-своему). Китайцы – прагматики и хотят жить вечно. Идея вечной жизни увлекала их с самых ранних времён, практиками физического долголетия занимались даосы начиная с V века до н. э. И тут с запада, из Индии, на рубеже нашей эры в Китай стал проникать буддизм, пришло учение о сансаре, круговороте жизни и смерти в мирах, ограниченных кармой. Какое счастье, подумали китайцы, вот она – вечная жизнь. Индусы стремятся освободиться от сансары, но не китайцы (тонкости не для сегодняшнего рассказа).

Так вот, ходим мы по монастырю, – в тёмных залах благодать и прохлада, запахи тлеющих ароматических палочек, в каждом из многих этих залов – Будда в разных своих проявлениях. Мы уже возвращались к воротам, как увидел я старого монаха в окружении юных учеников. Буддистские монастыри одновременно и школы, куда попадают дети из бедных семей и оставшиеся без родителей. Монах для детей не только наставник, но и учитель. А надо сказать, что моя доченька знает китайский. Я и спрашиваю: «О чём так глубокомысленно китайский наставник ученикам рассказывает?» А Юля отвечает: «Он о нас говорит. (Дальше переводит синхронно.) Это русские. Эти русские не такие, как мы. Они молятся так». И показывает: сложил пальцы щепотью и осенил себя крестным знаменем! Сделал это размашисто, по-православному. Следом и стриженные ученики перекрестились.

О буддизме, даосизме и родителях-покровителях

В представлении многих моих соотечественников китайцы – сплошь буддисты. Некоторые вспомнят о где-то слышанном даосизме, кто-то – о конфуцианстве.

Китайцы в своём большинстве люди в нашем понимании не религиозные, в бога не верят. Там иное – сила традиций, где философия Конфуция (моральное самосовершенствование, почитание старших, семьи, государства как большой семьи) и каноны его современника Дао Цзы (учение «дао» – путь, – в мире нет абсолютного добра и абсолютного зла, абсолютных истины и лжи, – все ценности относительны) переплетены и оформлены в устойчивую схему поведения человека. Даосизм – национальная религия, конфуцианство – учение о ритуале. У них почитание духов вместо бога – умершие родители становятся покровителями. А чем больше у человека родителей, тем больше защитников. Поэтому друзья-китайцы с радостью назовут вас «братом», чтобы «присвоить» и ваших родителей и обрести для себя дополнительных покровителей. При всех императорских династиях, войнах, переворотах, реформах, коммунистах, государственном капитализме – эти тысячелетние традиции поведения, представления о мироустройстве фактически не менялись. Один человек, как правило, исповедует и даосизм, и конфуцианство, и буддизм, связывая их в единый клубок. Если вам доведётся побывать в гостях у китайцев, увидите, что курительные палочки зажигают в домашних алтарях и Будде, и Мао Цзедуну, и Нерождённой Матери – Богине Запада, и своим предкам. Удивительно, но это так.

Китай по отношению к религиям – толерантное общество. Вы можете быть мусульманином, католиком, православным, иудеем – преследовать за это и посмеиваться над вами никто не будет. И не об иностранцах речь. Когда посетите Китай, обратите внимание: над входами в рестораны висят шары шёлковых фонарей. В основном – красные, но очень много – синих, в этих свинину не подают, это «мусылин», мусульманская кухня. При мне в харбинском православном храме венчалась пара: жених и невеста этнические китайцы, не говорящие по-русски.

В четырёхмиллионном Харбине самый красивый магазин называется «Цюлин». Бывший магазин торгового дома купца Ивана Чурина («эр» китайцы не выговаривают). Интересно, что это половинка проекта здания: его правая часть построена на берегу Амура в Благовещенске (два этажа, бронзовые античные боги на крыше, – сохранилось до сегодняшнего дня), левая – в Харбине. Правда, китайцы своё здание надстроили и сделали несколько подземных этажей.

А официальным архитектурным символом Харбина является «София» – православный Софийский собор – крупнейший на Дальнем Востоке. Изображения Софии на миллионах открыток, буклетов, значков, сувенирных тарелок... Собор недействующий, государственная собственность, сейчас в нём музей истории и архитектуры города, – очень подробно рассказывает о его русских строителях (основан во время строительства КВЖД, до Второй мировой войны проживало сто тысяч наших соотечественников). Формально собор принадлежит и Маньчжурской епархии Китайской православной церкви. И вот ещё что замечательно, точно такое здание – близнец Софийского собора – было построено в Благовещенске! Оно отличалось только более богатым декором. Храм называли Шадринским – по имени купца-мецената Семёна Шадрина. Этот архитектурный шедевр (собор Святой Живоначальной Троицы) при советской власти взорвали.

В Китае много «русского», общество довольно бережно относится к исторической памяти, уж поверьте.

Там даже памятники А. С. Пушкину в наши дни ставят, – при мне открывали на Арбате – пешеходной улице в приамурском китайском городе Хэйхэ. Есть памятники Пушкину в Пекине, Шанхае и других городах Китая.

Всегда ухожены памятники на братских могилах наших воинов, освободивших Китай от японских интервентов в 1945 году. Будете в Поднебесной, найдите время возложить к ним цветы, китайцы этого не забывают делать.

Когда китайцы узнавали, что мой отец участвовал в освобождении Маньчжурии, в спасении Харбина от страшного наводнения 1957 года, учил китайцев вождению пароходов по реке Сунгари, – демонстрировали такое почтение, словно и я в этом участвовал.

Можно ли верить китайцам?

На уровне личного общения китайцы – верные друзья. Они всегда будут помнить доброе, что вы для них сделали, ответят радушием, не раз проявят благодарность.

Но не надо обольщаться, когда на каждом шагу, даже от вовсе незнакомых, вы услышите заверения в вечной дружбе. Это ритуальные действия, которые, возможно, вам уже будут казаться бесконечно скучными, для китайца – обязательны. Они никогда ничего не говорят прямо. Соглашаются, чтобы проявить уважение, потом обещания их не всегда исполняются. Основная черта китайцев – прагматизм, отсюда толерантность. Они до последнего не будут вступать ни в какие горячие вооружённые конфликты, потому что не видят практического смысла. Показать свою нарастающую мощь и силу – всегда. Америка и Россия в разные периоды новейшей истории думали, что Китай их союзник (примерно, как мы сейчас), на самом деле – источник выгоды. Но разве это плохо для мудрого народа древнейшей цивилизации? Китайцы уверены, что двадцать первый век станет веком Китая.

А я уверен: в Китае всегда будут благодарны нам за освобождение от японских интервентов, за помощь в развитии экономики, строительстве социалистического государства. Люблю Китай таким, как он есть.

